

Фрикативное произношение [ɣ] наблюдается в акающих говорах южнорусского типа: уорат (д. Ксеньевка, Сибирка), пауода (д. Белоглинка), ур'атка, ур'иуор'ий, уул'анка, ул'ина, уьнч'арам, уарщк'и, мауот, крууи, друуам, уеш; ... и так и этък уавар'ат / а кауда калхос стал // (д. Пресногорьковка); уром ур'ем'ит / молн'ийа св'иркн'ет // ур'иша тоуда был мал'ен'к'ий // у'еройи нав'ерно // у (д. Архангельское). [ɣ] слабо поддается влиянию окружающей диалектной среды и литературного языка.

В слабой позиции наблюдается изменение /ɣ/ > /x/: крууа — крух, памаула — памох (Е. Т. Ушакова, 68 лет, д. Бол. Дубрава), крууом — вакрух (д. Ряжское).

Устойчивость фрикативного [ɣ] наблюдается и в тех населенных пунктах, в которых часть населения употребляет взрывной звук [ɣ]. Например, состав жителей д. Кособа Карабалыкского района по своему происхождению неоднороден: в нем, кроме старожилов, живут переселенцы из южнорусских областей, прибывшие сюда в начале прошлого столетия. В говоре этой деревни до сих пор слышится и взрывное и фрикативное произношение звука [ɣ]: дуга — дууа, луга — лууа, гнат — унат', могла — моула; ур'ез'ил'еч'ен'ий надо // поч'о друуа-то остав'ил // йауот хватайе // бабой урун'ей звал'и // до с'их пор ууд'ит в ушах // т'е уруз'д' и // урушы н'е растут // уор'ит-то как хорошо // был в г'ерман'ийе // сам-то с горшка // в каком году н'е помн'у // йач'м'ен' на глазу // он такой гордый в'ес' / в' идал'и мы тожэ так'их // грош цэна им // уш много годоф // (У. В. Кушнерук, 70 лет).

В некоторых акающих старожильческих говорах фрикативный звук [ɣ] зарегистрирован в словах: боуатой, уоспот' (д. Сибирка, Гренадерка), а иногда, кроме того, в положении перед суффиксом -л- в глаголах прошедшего времени: л'еула, б'ер'еула (д. Богоявленка, Чехова, Пресногорьковка, Есенколь).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кокобаев М. К. Говор западных поселений Горькой линии. Алма-Ата, 1965.
2. Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967.
3. Ягунова Е. В. Восприятие согласных фонем и их дифференцированных признаков. СПб., 1994.

Раиса Николаевна ХВОЩ —
декан факультета экономики и управления
Тюменской государственной
архитектурно-строительной академии,
кандидат филологических наук, доцент

УДК 811.111

«ГЛОБАЛЬНЫЙ АНГЛИЙСКИЙ» КАК ЯЗЫК ГЛОБАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

АННОТАЦИЯ. В данной статье автор рассматривает формирование глобального человечества с точки зрения проблемы выделения глобального языка международного общения, показывает роль «глобального английского» и его специфику в этом качестве.

In this article the author considers the development of the global mankind from the point of view of the global language emergence for international communication and describes the role of «Global English» and its specific character.

Двадцатый век вошел в мировую историю как время начала глобализации человеческого сообщества (или сообществ), как время формирования единой общечеловеческой цивилизации, не только формально, но и по существу объединившей всю массу наций и народностей в некое целое, называемое человечеством. Процесс этот, обозначившийся в самом начале столетия в экономике и геополитике, прошел через две мировые войны, создание Лиги Наций и ООН, через всемирные организации экономического плана и систему международного права и в настоящее время приобретает свою институциональную определенность, в ходе которой утрачиваются последние сомнения по поводу дальнейшей судьбы общепланетной интеграции. Лишь очень немногие народы, в основном из-за своей коммуникативной изолированности, остаются вне рамок формирующейся общечеловеческой цивилизации, а тенденция к глобализации явственно проявляется уже во всех сферах жизни человеческих обществ: от сельского хозяйства до высоких технологий.

Всякое человеческое общество основывает свою деятельность на некоторой совокупности общих норм поведения, которые безусловно разделяются всеми его представителями. Это служит базой их взаимодействия, а также их самоидентификации как членов данного сообщества, отдельного от всех прочих. С точки зрения А. Бергсона, данный факт, характеризуемый им термином «закрытая мораль», изначально служит основанием для всех ранее существовавших устойчивых людских общностей, но он не может быть основанием для формирования такой устойчивой общности, как человечество, ибо оно не имеет внешней границы, ибо оно не противопоставляет себя иным человеческим обществам, но заведомо включает их в себя, даже если они сами еще и не подозревают о его существовании. Сам А. Бергсон обозначил общие контуры морали («открытой морали»), способной служить основанием для такого объединения.

Тем не менее, несмотря на то, что споры о единой общечеловеческой морали не утихают, а, напротив, обостряются еще сильнее, сам факт возникновения некой устойчивой группы людей, которую можно условно обозначить термином «глобальное человечество», на данный момент является безусловным и не нуждающимся в доказательстве. К введению этого термина нас вынуждает то обстоятельство, что всякий процесс социальной трансформации не является одномоментным, но всегда растягивается на длительное время. И чем значительнее трансформация, чем большее количество людей она захватывает, тем, как правило, на более длительный период затягиваются преобразования. Процесс глобализации идет уже давно. Начало его вряд ли можно определить хронологически. К. Ясперс, например, считал, что человечество начало объединяться еще в «осевое время», постепенно преодолевая национальную и культурную ограниченность в понимании своей общей судьбы. Э. Тоффлер связывает начало интеграции человечества с началом «второй волны», с возникновением индустриального общества, ставшего реальным экономическим двигателем объединения. Ф. Фукуяма отсчитывает данный процесс от Просвещения, заложившего основы западноевропейской демократии, которая только и может преодолеть в своем поступательном развитии и распространении духовную ограниченность изолированных культур. По всей видимости, все эти авторы правы, так как современная глобализация, охватившая все сферы жизни человеческих обществ, суть явление многоплановое, а потому можно датировать возникновение различных его аспектов разными периодами человеческой истории. Общественное развитие приходит, тем не менее, к тому дню, когда мир становится слишком маленьким и в нем не остается места обществам, не включенным в целостность общечеловеческого бытия.

Непрерывность этого процесса глобализации, его временная растянутость приводят нас к тому, что процент той части человечества, которая уже живет в гло-

бальном обществе, приближается к ста. На заре европейского глобализма таких людей было мало, они были идеалистами и мечтателями, и приверженное старым национальным делениям общество назвало их «космополиты». Потом произошло завоевание мира западноевропейскими буржуазными государствами, завершившееся созданием великих колониальных империй. В это время складывается основа международных отношений и глобальная мировая экономика, прагматики-бизнесмены составляют собой костяк образующейся общности. Эта общность растет и пополняется, постепенно включая в себя представителей разных народов и культур, которые после крушения колониализма начинают активно участвовать в общемировых процессах. С определенного момента речь может идти о том, что глобальное сообщество становится уже достаточно представительным по отношению к человечеству, настолько представительным, чтобы можно было усматривать в нем не узкую общественную прослойку, играющую роль интернациональной, международной элиты, а зародыш будущего всепланетного сообщества. Это происходит тогда, когда в процесс интеграции вовлекаются массы, причем массы, принадлежащие к различным народам, языкам и культурам. Именно теперь мы получаем возможность говорить о глобальном человечестве, которое, хотя и не включает в себя все население планеты Земля, все же уже достаточно полно его представляет.

Глобальное человечество требует глобального языка. В этом не сложно убедиться, если вспомнить, какую роль язык играет в процессах социальной коммуникации и самоидентификации. Ограниченная в численности интернациональная элита, как, впрочем, и идеалисты-мечтатели раннего периода, могла обойтись без глобального языка. Космополиты являлись по преимуществу своему теоретиками, а для бизнес-элиты колониальной эпохи экономика главным образом строилась внутри своего колониального сообщества, где действовал родной язык. Не удивительно, что в то время на смену латыни, бывшей на протяжении Средних веков языком общеевропейского значения, не пришло ни одного языка не то что мирового, но даже общеевропейского масштаба. Претензии английского, французского, немецкого языков на доминирование остаются в это время исключительно претензиями.

Следует отметить, что латынь в Средневековье нельзя даже и сравнивать с современным положением английского языка. Латынь никогда, с момента крушения Римской империи и варваризации ее территории, не была языком массового интернационального общения, она была языком межнационального элитарного общения. В раннем Средневековье латынью владели только лишь деятели церкви, в позднем к ним присоединились деятели искусства и часть высшего света. Латынью манипулировали отвлеченно, она не была живым языком, и не была им вовсе не потому, что погибло общество, ее создавшее, а потому, что те, кто говорили на латыни в Средневековье, воспроизводили один и тот же, постоянный, раз и навсегда заданный строй языка, который не изменялся в течение поколений. Когда на языке говорят отдельные высокоинтеллектуальные единицы, язык можно поддерживать в первоначальной чистоте, но эта «дезинфекция» уничтожает в нем жизнь. Для сравнения можно вспомнить о классическом русском литературном языке, на котором сейчас говорит считанное число интеллектуалов, который сохраняет в незыблемости канон своих порождающих правил и поэтому, к сожалению, столь же мертв, как и средневековая латынь.

Впервые человечество в полной мере почувствовало себя человечеством в период Первой мировой войны, когда практика международных отношений достаточно определенно и наглядно показала, что старые национальные границы уже не имеют прежнего тотального характера и интенсивность международных связей настолько велика, что позволяет говорить о человечестве как о становящемся целом.

Примерно в это же время возникает первая международная политическая организация — Лига Наций и появляются первые проекты глобального языка, который первоначально планировали создать искусственно, чтобы преодолеть излишнюю внутреннюю усложненность живых языков.

Надо сказать, что попытки эти изначально были обречены на провал из-за фатального непонимания их теоретиками внутренней природы языка и его места в картине мира человека. Как справедливо отмечали Ф. де Соссюр, К. Леви-Строс, язык не является чисто интеллектуальным построением, внешним по отношению к культуре и образу мира данного народа. Он в них встроен, отражает архетипическую структуру бессознательных представлений (К. Г. Юнг) и, как таковой, несет в себе в спрессованном виде весь духовный опыт общества, которое этот язык породило. Язык суть субстрат образа мира и важнейшая духовная конструкция культуры, упорядочивающая представления общественного сознания. Язык задает границы и контуры нашего мира, каким он нам дан в представлении (Л. Витгенштейн). Язык живет в культуре, захваченный одним «жизненным порывом» (А. Бергсон), в нем преломляется жизненный духовный опыт общества, а потому создание искусственного языка суть создание суррогата без истории, без памяти, без жизни. Это создание мертвого языка, как средневековая латынь, но и бесконечно более бедного, чем латынь, ибо у латыни все же была история, в латыни был заключен духовный опыт целой цивилизации, могущественнейшей из всех ей предшествовавших. Эсперанто же и другие суррогатные языки не несли в себе исторической памяти и не могли структурировать представления. В этом отношении они могли быть лишь языками чистой коммуникации, но не языками общения и передачи духовного опыта. Лишь великое духовное напряжение могло заставить человека признать их языками в полном смысле этого слова.

Именно провал международных лингвистических экспериментов на фоне продолжающейся мировой глобализации выдвинул на передний план и решил проблему формирования глобального языка. Хотя сейчас этот процесс еще не завершен, можно уже достаточно определенно сказать, что он будет завершен, как он будет завершен и какой язык станет глобальным языком возникающей глобальной цивилизации.

В исторической практике определилось, что основой глобального языка станет английский язык. Условий у этого много: никакое из них в отдельности не могло стать определяющим, но все вместе сняли с повестки дня вопрос о выборе исходного протоязыка для выработки языка глобального.

Во-первых, английская колониальная империя была самой могущественной, обширной и развитой. Это было государство, развивающее свои провинции, а не только эксплуатирующее их. Англичане первыми поняли, что с эпохой колониализма покончено, и добровольно пошли на отказ от колоний. Это привело к формированию Британского Содружества, внутренним языком которого остался английский, в то время как многие французские колонии получили независимость вооруженным путем и поспешили оборвать все связи со своими метрополиями (впрочем, в настоящее время эти связи стараются восстанавливать). Поэтому французский язык быстро утратил статус международного, а английский его сохранил, став, по сути, единственным международным языком.

Во-вторых, английский язык стал государственным языком и языком подавляющего числа жителей Соединенных Штатов Америки, мощной мировой сверхдержавы, которая закрепила свое доминирующее положение в мировой экономике после Второй мировой войны. Если вспомнить, что Франция была оккупирована фашистской Германией, то к моменту завершения войны именно англоязычные страны были наиболее сильны в экономическом отношении. Все это привело к тому,

что на время монополия на высокотехнологичное производство оказалась у США, и все мировые производители вынуждены были ориентироваться прежде всего на англоязычный рынок. Еще укрепил это положение Internet, в котором преобладание английского языка даже во внутренних сетях неанглоязычных стран было подавляющим.

В-третьих, английский язык оказался государственным языком Австралии, одним из важнейших языков в Индии и Египте, т. е. в ключевых государствах разных регионов, которые в свое время были англичанами захвачены, что упростило распространение его и в западный мир.

В целом можно рассматривать это как цепь случайностей, как фатум, довлеющий над этой культурой, но можно усмотреть за «возвышением» английского и некую важную закономерность. Английский язык стал глобальным языком в индустриальную эру прежде всего потому, что сама Англия, а потом и ее колонии, оказались в состоянии наиболее эффективно распорядиться исходным потенциалом, который у них был ничуть не больше, чем у той же Франции, и создать самую могущественную, самую демократичную, самую эффективную колониальную империю, существовавшую в то время. Можно особо не вдаваться в этот вопрос, но вполне логичным кажется предположение, что разгадка этой успешности кроется в самом менталитете англичанина, в особенностях его образа мысли, а значит, и его национальной культуре.

Язык неизбежно несет в себе все особенности национальной культуры, а потому можно утверждать, что выдвигание английского языка в качестве конструктивной основы международной культуры общения и взаимопонимания было не случайно. В этом успехе реализовалась заложенная в английской культуре система представлений, дающая наиболее эффективную стратегию приспособления к нынешнему миру. Совершенно не вызывает сомнения и тот факт, что современная западная цивилизация явилась по преимуществу плодом англосаксонской культуры, англосаксонского образа мира и образа жизни. Английский язык, таким образом, выражает представления, наиболее адекватные современной промышленной цивилизации, всей эре индустриализма, чем и может быть объяснено его перерастание в глобальный язык.

Однако не следует думать, что доминирование английского языка в мире обеспечено на вечные времена. Скорее всего на определенном этапе общественного развития англосаксонский образ мысли и действия перестанет наиболее полно соответствовать запросам и нормам господствующей цивилизации. Тогда английский будет заменен в роли глобального языка, сохранившись в языках охваченного им пространства в качестве внутриязыковых смысловых «вкраплений», подчиняющихся правилам исходного языка, подобно тому, как в современных языках Европы и России присутствуют «вкрапления» латыни и греческого.

Язык, несущий базовые мировоззренческие конструкции доминирующей цивилизации, всегда широко распространялся за ее пределами. Вопрос нашего времени – это всего лишь вопрос о качестве и масштабе этого распространения. Объективные обстоятельства требуют, чтобы на языке могущественнейшей цивилизации говорила не только элита всех стран, втянутых в ареал ее влияния, но и массы, а потому качественное отличие современной ситуации от ситуации, например, времен Римской империи вызвано выросшим уровнем интеграции стран и степени вовлеченности их граждан в международную жизнь при сохранении прежней закономерной тенденции выбора языка.

Вместе с тем распространение на иноязычные массы английского языка в роли глобального языка не может не обернуться заметной трансформацией его в процессе подобного употребления. Массовый язык не может быть языком мертвым.

Все попытки насадить в нашей стране классический литературный русский язык показали полную бесперспективность такого занятия, и это при том, что литературный русский все же является разновидностью русского языка, который мировоззренчески близок большинству жителей нашей страны. Масса не способна говорить на абстрактном для нее языке, чуждом ее образу мира и образу жизни. Поэтому массе нужен живой язык, а не язык мертвый, что вынуждает ее к адаптации исходного английского языка к реалиям каждой культуры, на которую он распространяется.

Это в полной мере проявилось уже в момент распространения английского языка на территории США, Австралии и Канады, где установились местные модификации английского языка, отличные от оригинала. Все эти факты безусловно подтверждают выдвинутую Ф. де Соссюром гипотезу о том, что живой язык непрерывно видоизменяется от местности к местности. И это несмотря на то, что значительную часть переселенцев в западные американские штаты, ставшие основой США, как раз и составили этнические англичане. Историческая трансформация английского языка в этих двух государствах, последовавшая после разрыва их исторических судеб, выбрала различные пути развития.

Сходная картина имело место, кстати, в истории нашего общества. В результате различия исторических судеб расколотого завоеванием изначального русского народа сформировались украинский и белорусский языки, украинский и белорусский менталитеты, весьма сильно отличающиеся от русского. По-видимому, утверждение, что различие исторических судеб приводит к распаду единого языкового пространства, является фактом, с которым спорить сложно.

Еще более знаковая ситуация сложилась в тех странах мира, где произошло наложение английского языка на чуждые Европе в целом национальные культуры. Заимствованный английский там имеет достаточно сложную уровневую структуру. Можно говорить об элитарном английском, на котором говорит высокообразованная часть общественной элиты. Существует массовый английский. Он распространяется в широкой среде общества и означает местную версию английского языка, приведенную в соответствие с особенностями мировоззрения местной национальной культуры. А на уровне отдельных слов и фраз английский язык проникает даже в низшие слои общества, которые его не изучают, в виде заимствований в местные языки.

Вопрос стоит так: как же нам сформулировать природу современного глобального английского во всем многообразии этих локальных английских? Очевидно, что глобальным английским нельзя считать ни один из классических английских языков в любой его версии: английской, американской, австралийской, канадской и т. д. Глобальным английским, в полном смысле этого феномена, может быть названа только вся совокупность трех заявленных уровней, которая и обеспечивает синтез локального и универсального в языковой сфере.

Согласно представлениям Д. Вико, Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, С. Хантингтона и других, человеческая цивилизация не представляет собой духовного единства и не может быть представлена как нечто, имеющее единую культуру. Она распадается на совокупность локальных культур, объединенных в «семейства», что в условиях глобализации приводит к диалектическому сочетанию противоположностей, требующих и организационной интеграции мира, и сохранения культурной самоидентичности отдельных культур. Глобальный язык неизбежно несет в себе оба этих противоречивых устремления. С одной стороны, он организационно определяет границы общечеловеческой целостности, с другой — в каждой конкретной стране, проникая в массовую культуру, он модифицирует свою внутреннюю структуру, приспособляясь к духовным особенностям местного мен-

талитета, что, в конечном счете, и воплощается в вышеозначенную систему уровней. Формальное единство глобального английского возможно только за счет его содержательного многообразия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Crystal D. English as a Global Language. Cambridge, 1997.
2. Bailey R. W. Images of English: a Cultural History of the Language. Cambridge, 1991.
3. Cunningham D. Globalisation, Languages and Technology: An Agenda for Action // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 4.

Светлана Михайловна БЕЛЯКОВА —
доцент кафедры общего языкознания,
кандидат филологических наук

УДК 808.2-3

ОБРАЗНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ

АННОТАЦИЯ. В статье раскрывается образный потенциал темпоральной лексики, функционирующей в говорах русского языка. Описаны основные метафорические блоки и закономерности образной концептуализации феномена времени.

The article deals with the time-defining vocabulary of Russian dialects and its image-building potential. It describes the basic metaphors and the laws of image-building concerning the phenomenon of time.

Образное обозначение явлений действительности является чрезвычайно важным феноменом, который может быть интерпретирован с разных точек зрения: психологической, философской, семиотической, собственно лингвистической. Исключительно велика роль образных представлений при попытках реконструкции целостной картины мира (индивидуальной, региональной или этноязыковой). Образность языковых средств определяется исследователями по-разному. (См. труды Н. Д. Голева, И. Б. Михайловой, О. И. Блиновой, М. Э. Рут, Е. А. Нефедовой, О. В. Загоровской, Е. В. Брысиной и др.) Для нас наиболее важны определения тех исследователей, чьи работы находятся в русле изучения народной культуры. Так, М. Э. Рут предлагает дефиницию, которую можно принять за базовую: «Образная номинация — это комплексно мотивированная свойствами объекта отсубъектно-направленная номинация открытого выбора» [6; 30]. Обратим также внимание на еще одно важное положение, сформулированное в последней работе: одной из основ образного восприятия и, следовательно, образной номинации является «мифологическое предметное отождествление» [6; 27]. Область темпорального отражения — одна из наиболее мифологизированных в сознании человека, о чем свидетельствуют многочисленные мифологические системы разных народов древности и современности. В то же время образность данной области, несомненно, будет иметь свою специфику и существенно отличаться от образного представления, например, явлений природы или сферы «человек». Предельно абстрактный характер категории времени почти лишает человека возможности опереться на главный принцип образного восприятия и обозначения — сходство предметов и явлений. (Разумеется, возможна опора на определенные атрибуты времени, однако уже их выделение в процессе хроногенеза потребовало от языкового коллектива очень